

Москва в лицах: Сталин и Шолохов

Моск. правда - 1991 - 14 авг.

Тигр, который не прыгнул

Лев КОЛОДНЫЙ

ДВА ГОДА назад на Кузнецком мосту вошел я в дверь приемной, которая открыта круглые сутки без перерыва на обед и выходных дней, и без проволок перед собой возникшему предо мной офицеру письмо на имя председателя Комитета госбезопасности. Просил дать возможность познакомиться с «делом» Михаила Шолохова, заведенным на него давным-давно, в двадцатые-тридцатые годы. Папку с разного рода донесениями, показаниями и прочими подобного рода материалами писатель видел в кабинете Сталина в 1938 году, когда разбирался конфликт между Шолоховым и НКВД, пытавшимся выставить автора «Тихого Дона» руководителем контрреволюционного заговора.

По-видимому, эту же папку, но пополненную новыми материалами, Шолохов держал в руках позднее, получив ее на некоторое время по воле Никиты Сергеевича Хрущева, когда тот открыл двери лагерей и боролся с «культом личности». Об этом я узнал от одного из бывших секретарей писателя.

Вот эту-то папку очень хотелось подержать в руках, заглянуть в ее бумаги, чтобы написать об отношениях писателя и вождя, которые начались в 1929 году...

Не дождавись письменного ответа, месяца через два начал наводить справки. И некое должностное лицо по телефону ответило вполне официально, что в архиве комитета никакого «дела» М. А. Шолохова нет.

Но можно ли допустить, что документы, представленные в кабинет Сталина в 1938 году, не сохранились? Вряд ли. Можно ли предположить, что после того, как загнанный в угол писатель все-таки уцелел, вышел из кабинета Сталина на волю, в то время как его погубители полатились кто карьерой, кто свободой, кто жизнью, собранное на него досье уничтожили за ненадобностью, сожгли, как жгут использованные бумаги?

Однако приходится отношения между писателем и вождем восстанавливать по разным мемуарам, интервью в надежде, что когда-нибудь воспользуюсь данными исследователей, пользовавшихся скоростными аппаратами.

Когда впервые встретились Иосиф Виссарионович и Михаил Александрович? Личной встрече предшествовало заочное знакомство, несколько интересных событий из истории страны и литературы.

В мартовском номере журнала «Октябрь» за 1929 год опубликованы были начальные 12 глав третьей книги «Тихого Дона». Однако продолжения романа, как обещала редакция, не последовало. В нем должна была пойти речь о Вешенском восстании, рассказывавшемся.

Трагедия этого народного восстания породила трагедию под названием «Тихий Дон». Пение Вешенского восстания стучал в сердце юного Шолохова. И вдохновил написать о том, как новая революционная власть боролась с народом, что не укладывалось ни в какие программы, ни в какие официальные концепции истории гражданской войны и государства.

Итак, апрельский номер «Октября» вышел, а продолжения «Тихого Дона» не последовало. Однако Иосиф Виссарионович с ним познакомился в рукописи, о чем свидетельствует его известное письмо от 9 июля 1929 года редактору газеты Феликсу Кону, где есть такие строки: «Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — нигде не годная вещь, заслуживающая изыятия из продажи?».

Как видим, уже тогда в глазах вождя неизвестный ему лично Шолохов предстал «знаменитым писателем нашего времени», что, конечно, сыграло свою роль в последовавших событиях. Директивы изымать роман из магазинов, библиотек, личных собраний и так далее вождем давать не собирался.

Однако и третий том в свет не вышел.

К тому времени погибших Подтелкова и Кривошлыкова мало кто помнил в стране. Однако названный Сталиным в письме Сырцов был фигурой здравствующей, заметной, поскольку занимал пост председателя Совнаркома РСФСР. Живы были и некоторые «др.», названные в романе, как, например, комиссар Малкин и другие бывшие рядовые, командиры и комиссары, ставшие командирами частей и соединений, комиссарами госбезопасности.

Эти-то комиссары, в том числе главный из них, также получили для прочтения рукописи романа. Они высказали свое твердое мнение вождем...

Глубоко заблуждаются многие оппоненты Шолохова, полагая, что письмо Сталина 1929 года послужило для него «охранной грамотой», оградившей от цензуры, слежки, запрета на издания и так далее.

Заблуждается, в частности, А. И. Солженицын, утверждая в «Стремении «Тихого Дона», что после того, как «Правда» в 1929 году в письме пролетарских писателей пригрозила клеветникам Шолохова «судебной ответственностью», всякое о нем слухи смолкли. А вскоре и сам непреклонный Сталин назвал Шолохова «знаменитым писателем нашего времени». Не поспоришь.

Все было не так. И слухи не смолкли, и с писателем яростно спорили, три года не печатали роман. Сталинская оценка Шолохова никому, кроме узкого круга лиц, не стала известна, никак не повлияла на судьбу романа. Она оказалась миной замедленного действия, которая взорвалась под ногами писателя спустя двадцать лет, о чем рассказ впереди.

В том же 1929 году на стол Сталина неожиданно легло письмо самого Шолохова, которое тот ему не отправлял. Писал он его своему другу, члену партии с 1903 года Евгению Григорьевне Левицкой, которая помогла ему в 1928 году издать роман в «Московском рабочем», где заведовала литературной консультацией. А спустя год Евгения Григорьевна перешла в МК партии на должность заведующей библиотекой, где имела возможность повседневно встречаться с руководителями партийной организации.

Получив с Дона письмо Михаила Шолохова о репрессиях на Дону в дни хлебозаготовок, которые повергли его в ужас, она, сделав некоторые сокращения в письме,

сняла копию и через знакомого функционера передала в ЦК партии, откуда оно попало на стол Генерального секретаря. Честная коммунистка полагала, что вождем исправит искривления в политике, допускаемые на местах. И переслала письмо, за которое Шолохов мог поплатиться головой.

Шолохов сочинял его долго. Начал 18 июня 1929 года. Описал, как хлебозаготовители забирали у крестьян все до нитки, как погибал конфискованный скот, как казаки снова брались за оружие... Отправил это письмо 2 июля 1929 года, за неделю до того, как Сталин напишет уже известное нам письмо, дав в нем характеристику Шолохову.

Какая реакция вождем последовала на информацию Шолохова? Известно точно, что тогда кремлевский «управитель», главный виновник обрушившихся на казаков бед, ничего не ответил писателю, имея на то полное право: ведь ему письмо и не адресовалось. Сталин получил еще одно свидетельство того, что не ошибся в своей характеристике писателя, что тот силен не только в беллетристике, но и в анализе современности, что он протестует против насилия властей, борется с «неумелыми управителями», невзирая на лица, вплоть до Калинина. А от того и до Сталина недалеко.

В «год великого перелома» ни один из советских писателей, самых выдающихся, не посмел бы выступить с такой беспощадной критикой творимых в стране преступлений.

Михаилу Шолохову было тогда всего 24 года!

Между прочим, в том же году, осенью, в Новосибирске появилась статья под названием «Почему Шолохов понравился белогвардейцам?».

То был типичный по тем временам литературный донос на не вписывавшегося в официальные габариты молодого писателя. Как видим, «охранная грамота» Сталина тогда Шолохову не помогала. Со всех сторон сыпались на него ощутимые удары.

Когда же произошла очная встреча со Сталиным?

В известной шолоховедом книге-хронике «Жизнь и творчество М. Шолохова», составленной профессором В. Гурой и писателем Ф. Абрамовым, занимавшимся в молодости литературоведением, есть такое указание без ссылки на источник. «1930 год, январь. Встреча в Центральном Комитете партии — с И. В. Сталиным».

Более подробно об этом факте упоминается в статье Исаея Лежнева, долгие годы руководившего отделом литературы газеты «Правда».

«В 1930 году, — пишет Исай Лежнев (журнал «Нева», 1955, № 2), — Горький жил в Сорренто и, желая познакомиться с Шолоховым, звал его к себе погостить. Приглашение Горького было волнующим событием для Шолохова. Он приехал с Дона в Москву, и здесь состоялась встреча со Сталиным».

Разговор Шолохова со Сталиным о самом волнующем событии того времени — о сплошной коллективизации сельского хозяйства окончательно укрепил жившее в писателе решение отложить на время работу над эпопеей о делах давно минувших с тем, чтобы написать роман о строительстве колхозов.

О встрече с товарищем Сталиным писатель говорит, не вдаваясь в подробности, лаконично, но многозначительно... «Ну, а что же конкретно сказал писатель по этому поводу?»

«Беседа дала мне очень много, — цитирует Исай Лежнев Шолохова, — поощрила на осуществление новых творческих замыслов».

Однако в январе 1930 года писатель не встречался со Сталиным. Из переписки с Е. Г. Левицкой, опубликованной мной, известно, что в январе он находился в Вешенской, намереваясь посетить столицу в конце января — начале февраля.

В конце июля 1930 года он сообщает ей при встрече на Дону о намерении написать «повесть листов на десять», причем быстро, месяца за три. С такой скоростью сочинялся тогда «Тихий Дон».

Прощаясь с Шолоховым в Вешенской 6 августа, Левицкая спросила:

— А повесть из колхозной жизни когда начнете писать?

— Нет, не сейчас, пусть постоит, обматерит. Приеду из-за границы, тогда посмотрим.

Этот неясный до конца ответ говорит, что кое-что он уже к тому времени написал, иначе чему бы тогда лежать, «обматеривать»?

— В конце августа буду в Москве хлопотать о паспорте для заграничной поездки, может быть, привезу...

Поездка к Горькому произошла в конце 1930 года. Тогда Шолохов доехал до Берлина, визы для следования в Италию не дождался и вернулся в Москву.

— Ничего о встрече со Сталиным нам Михаил Александрович в Берлине не говорил, а беседовали мы часами, — сообщила мне Маргарита Константиновна Левицкая — Клейменова, жена сотрудника советского торгпредства, принимавшая писателя в Германии.

Вернувшись из-за границы, Михаил Шолохов остановился в Москве. Вот тогда-то, в начале 1931 года, по всей вероятности, и произошла его первая встреча со Сталиным, во время которой он мог обсудить проблемы, касающиеся коллективизации. Как известно, «Поднятая целина» начинается со слов: «В конце января, овеванные первой оттепелью, хорошо пахнут сады». И январь этот относится автором чуть ниже к 1930 году.

Перед Михаилом Шолоховым в дни его приездов в Москву тогда уже открывались все двери. Встретился он в 1931 году не только с Иосифом Виссарионовичем.

Лично познакомился и с Генрихом Генриховичем Ягодой, главным искусствоведам в штатском, главой ОГПУ, как тогда сокращенно назывались органы госбезопасности.

Последний проявил интерес и к писателю, и к его роману. Встреча произошла не в служебном кабинете главы чекистов на Лубянке. На квартире Алексея Максимовича Горького.

В гости к великому пролетарскому писателю Генрих Генрихович заходил не по службе. По дружбе. Вот тогда за столом у радушного Горького, после хорошей выпивки и закуски захмелевший Ягода сказал, отечески обращаясь к Михаилу Шолохову:

— Миша! А все-таки вы — контрик! Ваш «Тихий Дон» белым ближе, чем нам!

Не потерявший самообладания автор «Тихого Дона» ответил:

— Нет! Вы ошибаетесь! В «Тихом Доне» я пишу правду о Вешенском восстании. В этом — особая сложность. Но позиция моя беспощадная.

Как видим, и Генрих Генрихович прочел о Вешенском восстании в рукописи, получив ее из рук, очевидно, Алексея Максимовича.

Кто же мог разорвать тогда блок пролетарских писателей, не желавших печатать «Тихий Дон», и чекистов? Только И. В. Сталин.

Его и призвал на помощь Горький, получив в начале июня рукопись шестой части романа, то есть третьего тома «Тихого Дона».

От него рукопись попала к вождем.

— Видимо, Алексей Максимович Горький, — говорил М. А. Шолохов литературоведу К. Прийме, — сам давал Сталину рукопись романа. Во всяком случае, в ходе беседы со Сталиным я понял, что он хорошо знает ее содержание во всех деталях и подробностях.

Вторая встреча со Сталиным состоялась на даче Максима Горького под Москвой, в середине июня.

— И когда я присел к столу, — рассказывал Шолохов, — Сталин со мною заговорил.

...Говорил он один, а Горький сидел молча...

— Почему в романе так мягко изображен генерал Корнилов? Надо бы его образ ужесточить! — предложил Генеральный секретарь, к тому времени уже дававший указания всем, всем, всем, в том числе самым «знаменитым» писателям нашего времени.

После беседы о втором (опубликованном) томе романа разговор перешел к третьему тому, о содержании которого, как уже говорилось, вождем был осведомлен.

— А вот некоторым кажется, что третий том «Тихого Дона» доставит много удовольствия белогвардейской эмиграции... Что вы об этом скажете?

Как видим, Сталина беспокоило то же, что верховного комиссара госбезопасности.

И на этот раз Шолохов нашел что ответить:

— Хорошее для белых удовольствие! Я показываю в романе полный разгром белогвардейцев на Дону и на Кубани!

Убедил вождем.

— Да, согласен. Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию!

И заключил: «Третью книгу «Тихого Дона» печатать будем!».

Но никто на следующий день не бросился выполнять устное указание вождем. Хотя Шолохов и «ужесточил» образ генерала Корнилова, картина восстания осталась прежней. Редакция «Октября» снова воспротивилась публикации. Рукопись пошла в отдел ЦК партии. В конце декабря, сообщая об этом в Москву Е. Г. Левицкой, автор романа не знал, чем же все-таки окончится затянувшийся конфликт. Можно предположить, что отдел ЦК вновь связался по этому вопросу с Генеральным секретарем, и тот подтвердил данное им разрешение.

Через месяц, в январе 1932 года, «Октябрь» начал вновь публиковать «Тихий Дон». О встрече Шолохова со Сталиным стало известно в Москве. Сам Михаил Александрович о ней почти никому ничего тогда не рассказывал, уехав домой на Дон. Но чем меньше высказывался Шолохов, тем больше говорили другие, сочиняя быль и небылицы. И, конечно, анекдоты. Два из них попали на страницы «Сталиниады», изданной в минувшем году.

Вот первый: «Сталин не любил заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Алексея Ивановича Стецкого. Стецкий обратился к Сталину с просьбой повлиять на Шолохова, чтобы тот изменил акценты в образе Григория Мелехова. Сталин ответил: «Нельзя вмешиваться в творческий процесс художника. Нельзя ему диктовать что-либо».

Второй анекдот: «Однажды в компании Стецкий стал критиковать Шолохова за то, что его главный герой Мелехов — настоящая контра. И многое в том же духе. И потом он сказал:

— Ты, Шолохов, не отмахивайся. Шолохов спросил:

— Ответить вам как члену ЦК или лично?

— Лично.

Шолохов подошел к Стецкому и дал ему пощечину.

На следующий день Шолохов позвонил Поскребышеву:

— Товарища Сталина интересует, правда ли, что вы ответили на критику Стецкого пощечиной?

— Правда.

Товарищ Сталин считает, что вы поступили правильно».

Как видим, анекдоты о взаимоотношениях Шолохова со Сталиным и другими членами ЦК публикуются. А вот документов, хранящихся в архивах, никто не знает, вроде бы их и нет. Но может ли быть такое?

Итак, в 1931 году в возрасте 26 лет писатель выдержал интеллектуальный поединок с пятидесятилетним вождем, проявив такое знание проблем гражданской войны, что смог убедить участника этой войны, бывшего члена военных советов фронтов в своей правоте.

Это испытание, решившее судьбу романа, выдержанное на даче Максима Горького под Москвой, было не самое серьезное в жизни писателя. Наступала эпоха большого террора, а с ней невиданные страдания.

Вернувшись домой после встречи с Горьким и Сталиным, Михаил Шолохов с легким сердцем снова сел за стол, уверенный, что его рукописи увидят свет. Неожиданно для всех, отложив в сторону «Тихий Дон», он увлеченно пишет ту самую «повесть листов на десять», которую задумал в 1930 году, имея в виду закончить ее за три месяца. Тогда это было для него привычное дело: каждый день он сочинял по четыре-пять страниц текста.

«Нахожусь я в станице Вешенской, — сообщал Шолохов в Москву Е. Г. Левицкой 19 ноября 1931 года, — и пишу новый роман о том, как вешенские, к примеру, казаки входили в сплошную коллективизацию в 1930 году и как они живут в колхозе. Уже написал пять печатных листов вчистую и много не вчистую. Собственные лавры и почетное звание плагиатора не дают мне спать, и сообщаю Вам, что получается хорошо, хотя, может быть, Вы и скажете, что «заголовокружил» от успехов и потерял самокритическое чутье. Но в декабре привезу этот самый роман, 1/2 его...».

Как видим, в начале года не было у автора ни гроша, а к концу года — появился алтын, первая книга «Поднятой целины».

Новый роман решил отдать не в «Октябрь», где верховодил друг «Саша», Александр Фадеев, а в другой толстый журнал — «Новый мир».

В конце 1931 года Михаил Шолохов появился в Москве, как обещал.

И все повторилось. Самые острые, злободневные главы — о раскулачивании, как прежде о расказачивании, редакция не желала печатать.

К тому времени Шолохов хорошо знал, какой механизм следовало применить, чтобы карательная машина дала задний ход.

(Окончание следует).